

ЛЕСТНИЦА В НЕБО

Александр Дмитриевич Раевский родился в 1951 году в селе Алабуга Каргатского района Новосибирской области. Окончил Новокузнецкий педагогический институт, Иркутское пожарно-техническое училище. Служил в пожарной охране МВД, капитан в отставке. Член Союза писателей России. Печатался в журналах «Наши современники», «Москва», «Роман-газета», «Сибирские огни», «Огни Кузбасса» и др. Автор семи поэтических книг. Лауреат премии журнала «Наши современники» (2003), Кузбасской премии «Образ» (2007). Живёт в городе Новокузнецке.

БАБУШКИНЫ СЛОВА

И лица не припомнить уже,
Да и слов-то запомнил не много:
Что-то там про дожди и стрижей,
А ещё про весеннего Бога.

Нам-де к Батюшке можно
залезть,
Он на облаке. Ласков и розов.
И на небушко лесенка есть —
Вон за той за зелёной берёзой...

Я к берёзе не раз приходил,
Никакой там стремянки.

И всё же
Не стихала надежда в груди —
Взмыть к тебе, о, неведомый
Боже!

Не затем, чтоб просить
о судьбе, —
Только взрослые верят в такое, —
Просто облако выбрать себе,
Лечь на пузо и плыть
над землёю...

Это ж чудо! — легко пролетать,
Голубой высоты не бояться,
От восторга ногами болтать
И от радости звонко смеяться!..

Я все речки внизу разгляжу,
Все леса, города, огороды,
С неба пашням рукой помашу,
Крикну «здравствуйте!»
мирным народам...

Баба, бабушка, сколько же лет
Пронеслось над родимой
сторонкой
С той поры, как в холодной
земле
Ты почил в платке
и с иконкой?..

Я в немилой живу стороне,
Срок пожизненный будто мотаю,
Над землёю не только во сне —
Даже в мыслях давно не летаю.
Поседела давно голова.
Прозябаю в эпоху иную,
Но твои золотые слова
Мне по-прежнему сердце
волнуют:

Нам-де к Боженьке можно
залезть,
Он на облаке — ласков и розов...
Что-то высшее всё-таки есть,
Что стоит над житейскою
прозой!

Я приду. Соберусь и приду.
Хоть стократ всюду всё
изменилось,
Всё равно это место найду.
Пусть хотя б перед самой
могилой.

...Шелестит там берёза в зенит,
Облака ходят плавно и немо,
И, мерцая, легонько звенит
Там стеклянная лестница
в небо...

Травы, звери, птички переливы!..
Радуясь, мелькая и звуча,
Всё живёт в неведенье
счастливом...

Только людям ведома печаль.
Знаем мы, что есть на свете
нечисть,
Только, уподобленным почти,
Нам понятия «вечность»,
«бесконечность» —
Разум, бедный разум! —
не постичь.

Но зато — как милость
иль немилость? —
Осознать такое не сумеешь,
Свыше нам зачем-то
приоткрылась
Сущность рокового слова
«смерть».

Проступая сквозь свинец
ненастья,
Сквозь весёлый полдень
голубой,
Чёрная «Memento mori» надпись,
Словно меч, висит над головой.
С тайною надеждой и тревогой
В большинстве своём на склоне
лет

Молим приютиться ближе
к Богу,
Веря: рядом с Богом смерти
нет.

Беда, коли рок накажет
Страну, где диктат вранья,
Войной... Половина скажет:
«Это война — не моя».

Богатые — ф-р-р на Канары!
Бомжеватые — шасть в тайгу!
С дрыном Раевский старый
Встанет навстречь врагу.

Крестьянин, солдат, рабочий
Погибнут — но победят!
...Откуда-то вылезут прочие,
Навешат себе наград.

Станут гурьбой щемиться —
Поближе к рулю страны...
За помощью обратится
К ним инвалид войны.

Скажет чиновник, даже
Не вставши из-за стола:
«Ты что мне культёй тут
машешь?»

Я тебя — не посылал!»

ДВЕ ЖЕНЩИНЫ

В. Боровских

Пожилые женщины, подруги,
Вечерами ходят по округе.
Не спеша пройдутся
по тропинкам,
Завернут к берёзам
и осинкам, —
Легче им дышать среди
деревьев,
Чем в своей разрушенной
деревне...
Та, что старше, — чопорна
немножко,
В белой блузке со старинной
брошкой,
Седовласа — симпатична,
впрочем,
Сельская учительница
в прошлом.

Что помладше — та в платке
неярком,
Бывшая советская доярка,
В серой кофте, в платьишке
обычном,
Тоже с сединой и симпатична.
У одной ночных бессонниц
муки,
У другой от доек ломит руки,
Пусть они по-разному прожили,
Но всегда друг дружкой
дорожили.
Две судьбы закатных,
две подруги
Не бесцельно бродят
по округе, —
Русские стихи с душой читают...
Все их сумасшедшими считают.

РАДОСТНЫЙ ДЕНЬ

Хорошо-то как на белом свете!
Синий плеск, зелёная
прохлада...
Свежая рубашка, стол
да свечка —
Больше ничего-то и не надо.
Эх, какой денёк сегодня выпал!
Всё с утра на радость заводило,
Сердце пело, шелестела липа,
В полдень Муза в гости
заходила.
Пел петух — аж, бедный,
надрывался! —
Пел мой чистый домик
деревенский,
Юный ветер в форточки
врывался,
И, как птиц, ловил я занавески!
...Я бродил по воле —
травы гнулись...
А потом случайно у ограды

Встретилась, лукаво подмигнула
Женщина, любимая когда-то.
Проплыла... Представилось

реально,
Где живёт степная эта Ева:
Прямоком по улице
Центральной,
Клуб — направо, а она —

налево.
Предложила вспомнить наши
встречи?!
Да легко. Какие наши годы!
...Вот сижу на лавочке

под вечер
И не жду чудеснее погоды.
Вот сижу, блаженный, и мечтаю,
Что и к ночи всё, как в сказке,
будет:

В двор слетит Жар-птица
золотая
И затмит сияньем прозу будней.
Покормлю с ладони
ту цесарку —

Вдруг снесёт яичко золотое,
После — прямоком к воротам
Царским!..
Но свернуть налево всё же
стоит.

ПОЗДНЕЕ ПРОЗРЕНИЕ

*Памяти поэта
Юрия Кузнецова*

Эта снегом брюхатая осень,
Космы мглы да распятыя
столбов...

Ничего мне в огонь
не подбросить,
Дотлевет и жизнь, и любовь.
Провитал в облаках, вдруг
очнулся,
На чугунную землю упал,

Огляделся кругом — ужаснулся,
Сердце дыбом, и голос пропал.
Вся страна на больничной
постели,
Очень грязная эта постель.
Как метели, года просвистели,
Или сам их, дурак,
просвистел?..

На постели лежит одинокой,
Тени бесов роятся в ногах;
Сыромятные, в ржавых
подтёках,

Простынями свисают снега...
Жил вприсядку, храбрился
не в меру,
Драл рубаху, солёным кропил, —
Чем гордиться? Отчизну и веру
Пусть и честно, но глупо

пропил.
Со своей проносился любовью,
А была ль, в самом деле,
любовь?

По сравненью с великою болью
Что твоя одиночная боль?
Ведь пока хриплым зверем
метался,

Неповинным страдалось
двойне:
На нательном кресте

Он мотался,
Что мотался и бился на мне...
Проблукал в облаках
и при этом

Проморгал злые силы во мгле, —
Грabitь нищих да гробить
поэтов

Не впервой им на русской
земле.
О, шестая, седая часть суши,
На коленях прошу и молюсь:
Не откидывай грешную душу,
Может, в чём-то ещё пригожусь.

Жил поганю, не думал о смерти,
Уж прости, если можешь,
за всё,
Вдруг ещё окажусь тем,
последним,
Кто в ладонях воды поднесёт...
Вот пробило! В больное, родное
Впился думами — не оторвать,
Так своей захлебнулся виною,
Так смертельно боюсь умирать.

ВИДЕНИЕ

Равнина молчала.
А сердце стучало...
Безмолвно и плавно —
жалей не жалей —
Небесное войско к закату
промчалось...
Один я остался на горькой
земле.

Стою, очарован тоской
несказанной,
Созвучной душе, недоступной
уму,
Последний огонь провожу
со слезами...
И холод межзвёздный,
как данность, приму.
Но свято поверю, что войско
вернётся.
И, снова собравшись на битву
со злом,
Возьмут и меня. И тогда
мне найдётся
Копьё, и кольчуга, и конь
под седлом.
Пойму, позабыв всё, что мучило
прежде,

Что свой среди своих я —
и даль нам близка,
Сомкнувшись в ряды,
в осенённых одеждах
И в шлемах победных
мы будем скакать...

Стремительно-плавно, клубя
облаками,
Умчимся к закату, растаем
во мгле, —
Затопит безмолвьем, укроет
веками...
А кто-то останется ждать
на земле.

О! Сколько было б охов, ахов,
Народ простой как был бы рад,
Когда бы яхты олигархов
Поставить в строй, как на парад.

Как на парад, а не для боя,
Собрать на рейде наших вод, —
Вот был бы вид! Они собою
Затмили б весь российский
флот!..

У кого — ни кола ни двора.
У кого-то — с прислугой хоромы.
У народа в кармане дыра,
У воров — в бриллиантах короны.
Вот дожились!
Драконство взрастая,
Всё святое на свалках зарыли.
В небе голуби мира свистят,
Отрастив ястребиные крылья.
В наши сани опять ездоков
Тех набилось, кого не просили.
Свист кнута, храп да пена
с боков —
И куда тебя гонят, Россия?!

Дорогие поэты, витии,
Изливаючи горе своё,
Не кричите: «Пропала Россия!» —
Что ж мы сами хороним её?

Сила Божья сокрыта в поэте.
Если так голосить в темноте —
В безнадёгу срываются эти,
И злорадно хихикают — те.

Посмотрите: трава серебрится
В переливчатых росах утра...
Размечтайтесь — и райская птица
Тихо сядет на кончик пера.

Вы прислушайтесь: музыка льётся,
Из глубинных высот нисходя;
И в два зубика звонко смеётся
На руках материнских дитя!..

Мы приходим лишь раз, вы поймите,
Никого не виню, не учу,
Просто жизнь — это жизнь, а не митинг,
Просто сам я такого хочу!

В поднебесье окно растворите,
В грозовых облаков кутерьму...
Удивляйтесь. Любите. Творите!
...А Россию не дам. Никому.

